

UDC 82-531.2

«*Depingerem vobis Heroida pulcherrimam...*»: «Героиды» Овидия и *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова

Светлана Сергеевна Дубова

Институт лингвистических исследований РАН,
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9;
<https://orcid.org/0000-0001-9789-4108>, dubovasvetlanas@gmail.com

Для цитирования: Дубова С. С. «*Depingerem vobis Heroida pulcherrimam...*»: «Героиды» Овидия и *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова. *Philologia Classica* 2024, 19 (2), 273–282.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.206>

В статье рассматривается вопрос заимствований в латинском тексте «Слова похвального Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова. Так как М. В. Ломоносов получил прекрасное образование в Славяно-греко-латинской академии, где познакомился с трудами великих античных авторов, он мог осознанно или неосознанно подражать им при написании текстов на латинском языке. Что касается «Слова», источниками некоторых идей для М. В. Ломоносова уже были признаны Цицерон и Плиний Младший, в данной статье этот тезис также дополняется некоторыми лексическими параллелями. На этом фоне особенно интересны заимствования из «Героид» Овидия, представляющих собой поэтические послания влюбленных героинь мифов, а не ораторское произведение. В качестве источников латинского варианта «Слова» М. В. Ломоносова можно выделить два эпизода (*Ov. Her.* 6, 11; 7, 69–70), которые иллюстрируют известные и упоминающиеся мифологические образы: Ясона, сеющего зубы дракона в целях получения золотого руна, и Дидоны, совершающей самоубийство из-за разлуки с Энеем. При этом Овидий в *Her.* 6, 11 использует глагол *adulesco*, а М. В. Ломоносов переводит русский текст «Слова», используя глагол *adoleo*. Хотя в случае «Слова» жанровая природа «Героид» делает эту работу менее подходящей для подражания, чем речи Цицерона и «Панегирик императору Траяну» Плиния, заимствованные образы выглядят уместно в тексте М. В. Ломоносова, тем более что они являются результатом длительного интереса М. В. Ломоносова к этому произведению: М. В. Ломоносов приобрел издание Овидия еще при обучении в Марбурге, а некоторые фрагменты «Героид» переводил для «Краткого руководства к риторике», опубликованного за год до написания «Слова».

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, «Героиды» Овидия, панегирическая литература, литературные заимствования.

Свое первое ораторское произведение, «Слово похвальное Елисавете Петровне», М. В. Ломоносов написал для запланированной на 6 сентября (именины императрицы) 1749 г. первой публичной ассамблеи Петербургской Академии наук. третьего августа он представил текст речи в Академическую канцелярию, а уже 17 августа И. Д. Шумахер, ответственный за организацию ассамблеи, предложил Ломоносову подготовить и латинский вариант этой же речи. Благодаря переносу события на 26 ноября (годовщина восшествия Елизаветы Петровны на престол) того же года, Ломоносову удалось успеть полностью перевести свой панегирик (2 ноября была выдана бумага для печатания латинского текста).

Ломоносов известен как создатель «канонического» панегирика,¹ но он тем не менее должен был опираться на уже существующие темы и приемы ораторского красноречия. Это и традиция церковного панегирика, и «Панегирик, или Слово похвальное Анне Иоанновне» В. К. Тредиаковского, и речи античных авторов. С последними он, безусловно, познакомился еще в годы обучения в Славяно-греко-латинской академии в Москве. В частности, ученикам Академии предлагалось заучивать отрывки из произведений Вергилия, Овидия, Горация, Сенеки,² в библиотеке можно было найти труды Лукиана, Тита Ливия, «Цицерона все книги».³ Принципы риторики преподавались в основном в соответствии с наставлениями Цицерона (учебные руководства по риторике, составленные для занятий в Академии уже после обучения Ломоносова, в 1741 и 1742 гг., называются авторами *arena Tullianae eloquentiae*).⁴ Все занятия велись на латинском языке, поэтому можно предположить, что Ломоносов, в годы обучения в Академии выучив наизусть определенные отрывки из латинских поэтов и освоив положения риторики на примерах из Цицерона, пользовался этим опытом и впоследствии, когда ему было необходимо написать ту или иную речь.⁵

М. Т. Каченовский, отдавая должное Ломоносову в умении строить звучные периоды и подбирать изящные выражения, отмечает, что именно латинская риторика и чтение классических авторов могли научить его облекать свои мысли в ту форму, в которой они произведут наибольшее впечатление и лучше всего запомнятся слушателям или читателям.⁶ Особенно М. Т. Каченовский выделяет Цицерона и Плиния Младшего в качестве источников красноречия Ломоносова, утверждая, что при чтении «Слова похального Елисавете Петровне» очевидно, как «Ломоносов шел по следам их, руководствовался их примерами и в ораторских движениях, и в возвышенности мыслей, и в выборе слов, и в доброгласном расположении периодов».⁷ В этой же статье перечисляются несколько мест, в которых М. Т. Каченовский пред-

¹ Матвеев 2009, 86.

² Морозов 1961, 98.

³ Там же, 108.

⁴ Смирнов 1855, 170.

⁵ А. И. Солопов утверждает, что «Ломоносов думал по-латыни, даже в тех случаях, когда ему нужно было написать русский текст» (Солопов 2013, 22), интерпретируя следующее замечание Боровского по поводу стиля «Слова похального Елисавете Петровне»: «Во многих местах создается впечатление, что перед нами латинский оригинал и русский перевод: мысль Ломоносова уже при выработке первоначального русского варианта отливалась в формы, теснейшим образом связанные с той стилистической школой, которую он прошел на образцах римского красноречия» (Боровский 1960, 212; Боровский 2009, 321).

⁶ Каченовский 1812, 205–207.

⁷ Там же, 214.

лагает заметить заимствование идей древних авторов, преобразованных и развитых М. В. Ломоносовым на русском языке. Например, Михаил Трофимович предлагает сравнить описание человеколюбия Елизаветы Петровны в речи Ломоносова,

«когда, возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человеческое могущество превзотти не может, крайним к подданным Своим снисходительством превыше смертных жребия восходит» (Ломоносов т. 8, стр. 249),⁸

с местом из «Панегирика императору Траяну» Плиния Младшего:

Nam cui nihil ad augendum fastigium superest, hic uno modo crescere potest, si se ipse submittat, securus magnitudinis suae (Plin. Pan. 71, 4).

«Ведь тот, кому не остается больше вершин для достижения, одним только способом может возвыситься: если он сам спустится, будучи уверенным в своей величии».⁹

Если обратить внимание на это же место в латинском варианте «Слова» (Ломоносов 8, 267: *cum in summo rerum humanarum fastigio constituta, inusitata erga subditos suos comitate supra mortalium sortem evecta videatur*), можно отметить, что Ломоносов в данном случае не заимствует лексику Плиния.¹⁰ Дополняя эти примеры из «Панегирика» Плиния Младшего и речей Цицерона, подобные параллели приводит М. И. Сухомлинов.¹¹ Кроме пассажей того же «Панегирика» Плиния и речей Цицерона он также перечисляет места из трактата Сенеки «О милосердии».¹² По примерам, собранным М. И. Сухомлиновым, тоже создается впечатление, что Ломоносов заимствует только идею или образ, но оформляет его другими лексическими средствами. Тем не менее, ошибкой будет думать, что лексических соответствий между латинским текстом «Слова» и произведениями античных авторов нет. Между «Словом» Ломоносова и теми же текстами Цицерона и Плиния Младшего можно обнаружить следующие параллели, не отмеченные М. Т. Каченовским и М. И. Сухомлиновым (Табл. 1).¹³

Предложенные параллели можно дополнить некоторыми выражениями, которые Ломоносов мог заимствовать из других античных произведений. Например, высказыванию «делом и словом» в латинском варианте панегирика соответствует сочетание *re ipsa et animo* (Ломоносов 8, 258), подобное выражение мы находим среди писем Цицерона (Cic. Fam. 10, 19, 1: *re ipsa atque animo*). Однако вполне возможно, что такой перевод объясняется не опорой на античный источник, а практикой использования новой латыни. Так, оборот *re ipsa et animo* встречается в книге Мартина Лютера «О рабстве воли», написанной в ответ Эразму Роттердамскому в 1525 г.,¹⁴ а выражение *ex re ipsa et animo* — в письме 1538 г. Бенедикта Эвандера Генриху Буллингеру¹⁵ и в речи 1603 г. представителей Пруссии к польскому королю.¹⁶

⁸ Ссылки на тексты приводятся по изданию: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Москва — Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1950-1983.

⁹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

¹⁰ Более подробно этот пример разбирается в статье: Smirnova 2020, 578–579.

¹¹ Сухомлинов 1898, 288–299.

¹² См.: Дубова, Смирнова 2022, 299–300.

¹³ См. также параллель, предложенную А. С. Смирновой (Ломоносов 8, 259 — Nazarii Panegyricus Constantino Augusto dictus 1, 3): Smirnova 2020, 580.

¹⁴ Schmidt 1873, 342.

¹⁵ <https://www.bullinger-digital.ch/letter/11145> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁶ Lanckorońska, Steen Jensen 1972, 179.

Таблица 1. Параллели между текстом *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова и текстами Цицерона и Плиния Младшего

<p><i>Panegyricus Elisabetae</i> М. В. Ломоносова и соответствующие места из «Слова похвального Елисавете Петровне»</p>	<p>Предполагаемые античные источники</p>
<p><i>Obsessum firmis praesidiis Patrium diadema...</i> (8, 262) «Окруженный надежной стражей отеческий венец...» «Окруженный крепкою стражею венец отеческий...» (8, 243)</p>	<p><i>vives ita, ut nunc vivis, multis meis et firmis praesidiis obsessus...</i> (Cic. Cat. 1, 6, 3) «ты будешь жить, как живешь сейчас, окруженный моей многочисленной и надежной стражей...»</p>
<p><i>Concipiebant animis gentis suae myriades super divisos infinita vastitate interjacentis soli campos duci captivas...</i> (8, 263) «Они представляли себе, как многие тысячи их народа уводят в плен через поля, разделенные бесконечной пустыней бескрайних земель...» «... представлялись им... многия тысячи их народа, ведомого в плен на отделенныя половиною света степи...» (8, 244)</p>	<p><i>Germaniam quidem quum plurimae gentes, ac prope infinita vastitas interiacentis soli, tum Pyrenaeus, Alpes, immensique alii montes, nisi his comparentur, muniunt dirimuntque</i> (Plin. Pan. 14, 2). «Тогда как Германию защищают и отделяют многие народы и почти бесконечная пустыня бескрайних земель, затем Пиренеи, Альпы и другие огромные горы, если их не сравнивать с первыми.»</p>
<p><i>Tandem vero periculo et nutatione Patriae coacta magis, quam Maiestatis desiderio mota, accedit ad gubernandum...</i> (8, 264) «Но наконец она, скорее из-за опасности смуты в Отечестве, чем из-за жажды Величества, приступила к правлению...» «... и, наконец, больше опасаясь бедствия Отечеству, нежели себе Величества желая, склонилась к правлению...» (8, 245)</p>	<p><i>Cogi porro non poterat, nisi periculo patriae, et nutatione rei publicae</i> (Plin. Pan. 5, 6). «Тебя, в свою очередь, ничто не могло принудить, разве только опасность для отечества и смута в государстве.»</p>
<p><i>Qui omnem hostium exercitum victum comprehensumque, et ex arbitrio suo pendentem tenet, ac ipsum belli impetu percussum atque prostratum, attollit...</i> (8, 265) «Кто удерживает все вражеское войско побежденным, окруженным и от своей воли зависящим, и поднимает его на ноги, ударом войны повергнутого наземь и распростертого...» «Кто всю врага своего силу в руках имеет и всю свою волю над ним исполнить может, однако отдает все обратно и уже поверженного и противиться не могущаго восставляет...» (8, 246)</p>	<p><i>Omnia sunt excitanda tibi, C. Caesar, uni quae iacere sentis belli ipsius impetu, quod necesse fuit, percussa atque prostrata</i> (Cic. Marcell. 23). «Тебе одному, Гай Цезарь, нужно восстанавливать все, что, как ты видишь, лежит поверженным и распростертым от удара самой войны, что было неизбежно.»</p>
<p><i>...te autem in secundo vitae sine ulla offensione cursu nec per somnium oblati proeliorum terrores turbant</i> (8, 266). «...но тебя в радостном течении жизни, лишенной какой-либо неудачи, даже являющиеся во сне ужасы сражений не беспокоят.» «...но тебя, в бесперывной тишине покоящаяся, ниже в сонных привидениях военные страхи возмущают» (8, 248)</p>	<p><i>Qua re, etsi nihil est homini magis optandum quam prospera, aequabilis perpetuaque fortuna secundo vitae sine ulla offensione cursu...</i> (Cic. Red. pop. 2) «Поэтому, хотя ничто для человека не является более желанным, чем благополучное, ровное и непрерывное счастье в радостном течении жизни, лишенной какой-либо неудачи...»</p>

<p><i>Panegyricus Elisabetae</i> М. В. Ломоносова и соответствующие места из «Слова похвального Елисавете Петровне»</p>	<p>Предполагаемые античные источники</p>
<p><i>...nulla re homines propius ad divinam naturam accedunt, quam salutem hominibus et sontibus impunitatem dando</i> (8, 267). «...ничем люди не приближаются к божественной природе сильнее, чем даруя людям спасение и прощая повинных».</p> <p>«...ничем естество человеческое к божественным свойствам не подходит ближе, как прощением повинных и освобождением от надлежащей казни» (8, 250).</p>	<p><i>Homines enim ad deos nulla re propius accedunt quam salutem hominibus dando</i> (Cic. Lig. 38). «Ведь люди ничем не приближаются к богам сильнее, чем даруя людям спасение».</p>

Займствования из речей Цицерона и панегирических сочинений выглядят в контексте «Слова» достаточно естественно, с этой точки зрения более интересны возможные параллели с текстами других жанров, таких как философский трактат «О милосердии», если согласиться с М. И. Сухомлиновым. Однако, как мы уже отметили, параллели М. Т. Каченовского и М. И. Сухомлинова сложно считать прямыми займствованиями, так как они скорее подчеркивают общность идей. Поэтому стоит обратить внимание на «Героиды» Овидия как на поэтический источник латинского текста «Слова».

Упомянув о событиях Русско-шведской войны 1741–1743 гг., Ломоносов пишет, что шведы, противостоя войскам Елизаветы Петровны, со страхом думали о своих отцах, потерпевших поражение при Полтаве в 1709 году, когда русскими войсками командовал ее отец, Петр I:

Изображался в уstraшенных умах их Петр Великий, в мужественной Своей Дщери живущий, представлялись им отцы их в мысли, лежащие в крови своей на полях Полтавских, и многия тысячи их народа, ведомаго в плен на отделенныя половиною света степи (Ломоносов 8, 244).

Русский текст никак не указывает на связь с «Героидами» Овидия, однако латинский вариант «Слова» содержит убедительные лексические параллели с письмом Энею от лица Дидоны (Табл. 2):

Таблица 2. Параллели *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова и письма Дидоны в «Героидах» Овидия

<p><i>Panegyricus Elisabetae</i> М. В. Ломоносова</p>	<p>«Героиды» Овидия</p>
<p><i>Repraesentabant perterritae eorum mentes Petrum Magnum in fortissima illius Filia redivivum. Oberrabat illis tristissima et sanguinolenta imago patrum, per Poltavae campos fusorum. Concipiebant animis gentis suae myriades super divisos infinita vastitate interjacentis soli campos duci captivas</i> (8, 263).</p>	<p><i>Coniugis ante oculos deceptae stabit imago tristis et effusus sanguinolenta comis</i> (Ov. Her. 7, 69–70). «Перед глазами предстанет печальный образ обманутой супруги с разметавшимися, перепачканными кровью волосами».</p>

Латинский перевод Ломоносова немного отличается от русского оригинала, но при этом образ окровавленных шведов сближается с образом карфагенской ца-

рицы, который должен, по ее мнению, предстать возлюбленному Энею. Скорее всего, Ломоносову понравилась эта яркая и запоминающаяся картина самоубийства Дидоны, так живо и лаконично описанная Овидием. Конечно, полного лексического совпадения между текстами Овидия и Ломоносова нет: авторы работают с разным материалом и в разных жанрах, а Ломоносов к тому же ограничен уже утвержденным русским текстом панегирика. *Tristissima* — эпитет, отсутствующий в русском варианте «Слова», употреблен Ломоносовым в превосходной степени (черта, характерная для панегирического жанра и ярко выраженная именно в латинском варианте «Слова»).¹⁷ *Sanguinolentus* — поэтизм, довольно часто используемый Овидием (он встречается несколько раз в «Героидах» и «Науке любви», а также в «Любовных элегиях» и «Ибисе»), но для классического латинского языка он более редок, чем синонимичные *sangineus* и *cruentus*, поэтому вполне возможно, что Ломоносов познакомился с ним именно благодаря творчеству Овидия. Письма героинь Овидия наполнены обвинениями во лжи и предательстве, что прекрасно соответствует этому эпизоду «Слова» о «вероломных Балтийских берегах» (Ломоносов 8, 244).

По-видимому, «Героидами» также вдохновлено описание светлого будущего научных занятий в Российской империи, заложенных Петром I и поддержанных Елизаветой Петровной. Здесь также при сохранности общей мысли наблюдаются некоторые различия между русским и латинским текстом «Слова», по которым можно проследить заимствование из стихотворения Овидия, представляющее собой послание Гипсипилы Ясону (Табл. 3):

Таблица 3. Параллели *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова и послания Гипсипилы в «Героидах» Овидия

<i>Panegyricus Elisabetae</i> М. В. Ломоносова	«Героиды» Овидия
<p><i>Adolebunt hic iacta a Petro, munita gratia et irrigata largitate dignae tanto Parente Filiae scientiarum semina in felicissimam segetem, cujus fertilitas per orbem terrarum exuberabit</i> (8, 270).</p> <p>«Произрастет здесь насажденное Петром, огражденное милостию и напоенное щедротою достойная толикаго Родителя Дщери прекрасное премудрости древо, возрастет и ветви свои распрострет по всей вселенной» (8, 253).</p>	<p><i>Cur mihi fama prior quam littera nuntia venit: isse sacros Martis sub iuga panda boves, seminibus iactis segetes adolesse virorum inque necem dextra non eguisse tua...</i></p> <p>(Ov. Her. 6, 9–12)</p> <p>«Почему раньше ко мне пришла весть от молвы, а не из письма: как священные быки Марса пошли под изогнутым ярмом, как из брошенных тобой семян взошли мужи и избежали смерти от твоей правой руки...»</p>

В данном случае Ломоносов опять опирается на очень запоминающийся образ, а именно мифологический сюжет об испытаниях Ясона, которые он должен пройти ради получения золотого руна. Тем не менее из брошенных в землю семян должны вырасти не воины, препятствующие герою, а знания, которые нужно беречь и распространять. Хотя в русском тексте «Слова» вместо описания зреющих посевов Ломоносов рисует образ прекрасного раскидистого дерева, в обоих вариантах речи разрабатывается мотив посева и жатвы. Если рассматривать этот эпизод «Слова» в отрыве от стихотворения Овидия, то неясным будет употребление Ломоносовым формы *adolebunt*. *Adoleo*, *-ui*, *-ultum*, *-ēre* — это глагол из религиозной сферы, име-

¹⁷ Согласно исследованию А. А. Костина, в русском тексте «Слова» суперлативы прилагательных и наречий используются 66 раз, тогда как в латинском тексте — 236 раз (Костин 2014, 11–16).

ющий значение 'курить благовония, возжигать, окутывать жертвенным дымом, уничтожать огнем', которое не соответствует контексту. Однако если знать о тексте послания Гипсипилы Ясону, то становится очевидным, что имеется в виду глагол *adolesco*, *-ēvi (-ui)*, *-ultum*, *-ere* 'произрастать, зреть'. По-видимому, схожесть этих глаголов и привела к путанице, в связи с которой Ломоносов и употребил в «Слове» некорректный для классической латыни глагол. Тем не менее стоит отметить, что некоторые словари рассматривают эти глаголы как синонимы¹⁸ и смешение *adoleo* и *adolesco* возникло задолго до Ломоносова. *Adoleo* используется в значении *adolesco* несколько раз в латинской литературе начиная с IV–V вв. н.э.,¹⁹ но ярче всего это смешение выражено в грамматических сочинениях того же времени. Например, Присциан ошибочно относит форму перфекта *adolui* у Варрона к глаголу *adolere* (Var. ant. hum. frg. apud Prisc. 489, 2–3: *postquam adoluerunt haec iuventus*), Ноний пишет об употреблении этого глагола в религиозном контексте, поясняя, что с помощью молитв и обетов увеличивается божество и укрепляется божественная воля (Non. 58: *adolere verbum est proprie sacra reddentium, quod significat votis et supplicationibus numen auctius facere*), а Сервий считает, что хотя в собственном смысле *adolere* синонимично глаголу *augere*, в контексте религиозных обрядов *adolere* используется как *εὐφραίνω* (Serv. Aen. 1, 704; ecl. 8, 65). Такое смешение словари Вальде — Хофманн²⁰ и Эрну — Мейе²¹ объясняют народной этимологией и тем, что значение глагола *adolere*, редкого и принадлежащего довольно узкой области применения, в какой-то момент уже перестало пониматься носителями, однако словарь де Фаана утверждает, что глаголы *adolere* и *adolescere* всё же родственны и восходят к одному и тому же корню со значением «кормить».²²

Ломоносов был заинтересован «Героидами» Овидия задолго до написания «Слова» и обращался к этому сборнику неоднократно: «Краткое руководство к риторике», для которого Ломоносов сделал перевод трех отрывков из «Героид», было опубликовано в 1748 г. Там же встречается отрывок из не дошедшего до нас стихотворения Ломоносова, написанного на мотив из «Героид» — «Троянских стен верьхи уже во рвах лежат...». Сочинения Овидия в трех томах упоминаются среди книг, купленных Ломоносовым во время обучения в Марбурге. Этот реестр был составлен для Академии наук и датирован 15 октября 1738 г.²³ В библиотеке Ломоносова также было отдельное издание «Героид», которое хранится сегодня в фонде редкой книги Библиотеки Российской академии наук.²⁴ Изучение поэзии Овидия во время занятий стилистикой могло впоследствии принести свои плоды в виде рассмотренных нами параллелей в тексте панегирика. Как уже было отмечено, нет ничего удивительного в том, что Ломоносов, сочиняя «Слово похвальное Елисавете Петровне», опирался на речи Цицерона и «Панегирик императору Траяну» Плиния. Интересно, что он также за-

¹⁸ Lewis, Short 1891, 43; Diefenbach 1857, 13; Latham 1983, 8.

¹⁹ Vollmer 1900, 794.

²⁰ Walde, Hofmann 1938–1954, 13–14.

²¹ Ernout, Meillet 1951, 15–16.

²² De Vaan 2008, 24–25. См. также: Wood 1912, 302.

²³ P. Ovidii Nasonis opera in tres tomos divisa. Amstelædami, Jansson — Waesberg, 1735 (Ломоносов 10, 373). См.: Коровин 1961, 333–334.

²⁴ P. Ovidii Nasonis Heroides sive Epistolae. Jo. Henr. Kromayerus recensuit et notis ad modum Joannis Minelli nec non Indice necessario instruxit. Lipsiae, Sumpt. M. G. Weidmanni, Sacr. Polon. Maiest. et Elect. Saxon Bibliopola, 1719. См.: Карначёв 2010, 132–134.

имствовал образы и лексику из произведения совершенно иного жанра. Тем не менее и в панегирическом сочинении определенные стилистические особенности, свойственные поэзии, могут быть уместны, как отмечает Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике» (1743): «Штиль в панегирике, а особливо в заключении, не меньше как и в проповеди, должен быть важен и великолепен и притом уклонен и приятен... Во всем сложении слова должно употреблять замыслы, тропы, высокие и приятные фигуры, как отвращение, представление, разговор, вымысл» (Ломоносов 7, 72). Ломоносов и впоследствии не потерял интереса к «Героидам»: в конце 1750 года он приступил к сочинению трагедии «Демофонт», источником которой является послание Филлиды Демофонту из сборника Овидия.²⁵

Литература

- Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова. *Ломоносов*. В кн.: В. Н. Ченакал (Отв. ред.). *Сборник статей и материалов*. Москва — Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1960, IV, 206–218.
- Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова. *Opera philologica*. [Издание подготовили А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко и Т. В. Шабурина.] Санкт-Петербург, Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2009, 316–326.
- Вендитти М. Русские переводы XVIII века второй Героиды Овидия (Козицкий, Рубан, Ржевский). *Чтения Отдела русской литературы XVIII века* 2013, 7, 168–181.
- Дубова С. С., Смирнова А. С. «Слово похвальное Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова: лексический аспект двуязычного текста. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2022, 26, 288–303.
- Карначёв А. Е., Лебедева И. Н., Савельева Е. А. *Библиотека М. В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг*. Москва, Ломоносовъ, 2010.
- Каченовский М. Т. О похвальных словах Ломоносова: Из разсуждения, читанного в торжественном собрании Общества любителей российской словесности. *Вестник Европы* 1812, 63 (11), 201–225.
- Коровин Г. М. *Библиотека Ломоносова: материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки*. Москва — Ленинград, АН СССР, 1961.
- Костин А. А. «Слово похвальное...» и «Panegyricus Elisabetae». К вопросу об ораторском стиле Ломоносова. *Toronto Slavic Quarterly* 2014, 47, 9–23.
- Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Москва — Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1950–1983.
- Матвеев Е. М. *Русская ораторская проза середины XVIII века: панегирик в светской и духовной литературе*. Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского университета, ф-т филологии и искусств, 2009.
- Морозов А. А. *Ломоносов*. Москва, Молодая гвардия, 1961.
- Смирнов С. К. *История Московской славяно-греко-латинской академии*. Москва, тип. В. Готье, 1855.
- Солопов А. И. Латинский язык в жизни и творчестве Ломоносова. *Научные доклады филологического факультета МГУ*. 2013, 7, 16–24.
- Сухомлинов М. И. *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова*. Т. 4. Санкт-Петербург, Императорская Академия наук, 1898.
- De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden — Boston, Brill, 2008.
- Diefenbach L. *Glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis*. Francofurti ad Moenum, sumptibus Josephi Baer Bibliopolae, 1857.
- Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue Latine: histoire des mots*. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1951.

²⁵ Вендитти 2013, 172.

- Lanckorońska C., Steen Jensen G. *Elementa ad fontium editiones XXIX: Res Polonicae ex archivo Regni Daniae*. V pars. Roma, Institutum Historicum Polonicum Romae, 1972.
- Latham R. E. *Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish sources*. London, Oxford University Press, 1983.
- Lewis Ch. T., Short. Ch. *A New Latin Dictionary*. New York, Harper & Brothers; Oxford, Clarendon Press, 1891.
- Lomonosov M. V. Complete Works. Moscow — Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950–1983.
- Schmidt H. D. *Martini Lutheri opera omnia*. Vol. VII. Frankfurt ad M., sumptibus Heyderi et Zimmeri, 1873.
- Smirnova A. Neo-Latin and Russian in M. V. Lomonosov's *Panegyric for Elizaveta Petrovna* (1749). *Acta Conventus Neo-Latini Albasitensis* 2020, 17, 574–587.
- Vollmer F Adoleo. In: *Thesaurus Linguae Latinae* 1900, 1, 793–794.
- Walde A., Hofmann J. B. *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Winter, 1938–1954.
- Wood F. A. Notes on Latin Etymologies. *Classical Philology* 1912, 7 (3), 302–334.

“Depingerem vobis Heroida pulcherrimam...”: Ovid's *Heroides* and *Panegyricus Elisabetae* by M. V. Lomonosov

Svetlana S. Dubova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0001-9789-4108>, dubovasvetlanas@gmail.com

For citation: Dubova S. S. “Depingerem vobis Heroida pulcherrimam...”: Ovid's *Heroides* and *Panegyricus Elisabetae* by M. V. Lomonosov. *Philologia Classica* 2024, 19 (2), 273–282.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.206> (In Russian)

The article covers the issue of borrowings in the Latin text of M. V. Lomonosov's *Panegyricus Elisabetae*. Since M. V. Lomonosov received an excellent education at the Slavic Greek Latin Academy, where he became acquainted with the works of great ancient authors, he could consciously or unconsciously imitate them when writing texts in Latin. As for the *Panegyricus*, Cicero and Pliny the Younger have long been recognized as sources of some ideas for M. V. Lomonosov; the present article also supplements this thesis with some lexical parallels. Against this background, the borrowings from Ovid's *Heroides*, which are poetic epistles of mythological heroines in love, rather than a rhetorical work, are particularly interesting. As sources for the Latin version of M. V. Lomonosov's *Panegyricus* we can single out two episodes (Ov. *Her.* 6, 11; 7, 69–70), which illustrate well-known and memorable mythological images: Jason sowing dragon teeth in order to obtain a golden fleece, and Dido mourning her separation from Aeneas and dying by her own hand. Notably, Ovid in *Her.* 6, 11 uses the verb *adoleasco*, when M. V. Lomonosov translates the Russian text of the *Panegyricus* using the verb *adoleo*. Although in the case of the *Panegyricus* the genre of the *Heroides* makes this work less suitable for imitation than Cicero's speeches and Pliny's *Panegyric of Trajan*, the borrowed images look appropriate in M. V. Lomonosov's text, especially since they are the result of M. V. Lomonosov's long-standing interest in the *Heroides*. M. V. Lomonosov acquired an edition of Ovid's works while still studying in Marburg, and translated some fragments of the *Heroides* for the *Brief Guide to Eloquence*, published a year before he wrote the *Panegyricus*.

Keywords: M. V. Lomonosov, Ovid's *Heroides*, panegyric literature, literary borrowings.

References

- Borovskii Ia. M. The Latin Language of Lomonosov. In: A. K. Gavrillov, V. V. Zeltchenko, T. V. Shaburina (eds). *Opera philologica*. St Petersburg, Bibliotheca classica Petropolitana; Dmitrii Bulanin, 2009, 316–326 (in Russian).

- Borovskii Ia. M. The Latin Language of Lomonosov. In: *Lomonosov. Sbornik statei i materialov*. Moscow — Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1960, IV, 206–218 (in Russian).
- De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden — Boston, Brill, 2008.
- Diefenbach L. *Glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis*. Francofurti ad Moenum, sumptibus Josephi Baer Bibliopolae, 1857.
- Dubova S. S., Smirnova A. S. M. Lomonosov's "Panegyricus Elisabetae": lexical aspect of a bilingual text. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologija* 2022, 26, 288–303 (in Russian).
- Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue Latine: histoire des mots*. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1951.
- Kachenovskii M. T. On Lomonosov's Words of Praise. *Vestnik Evropy* 1812, 63 (11), 201–225 (in Russian).
- Karnachev A. E., Lebedeva I. N., Saveleva E. A. M. V. *Lomonosov's Library: Scientific Description of Manuscripts and Printed Books*. Moscow, Lomonosov Publ., 2010 (in Russian).
- Korovin G. M. *Lomonosov's library: materials for characterizing the literature used by Lomonosov in his writings and a catalog of his personal library*. Moscow — Leningrad, AN SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Kostin A. A. "Panegyric for Elizaveta Petrovna" and "Panegyricus Elisabetae". On the question of Lomonosov's oratorical style. *Toronto Slavic Quarterly* 2014, 47, 9–23 (in Russian).
- Lanckorońska C., Steen Jensen G. *Elementa ad fontium editiones XXIX: Res Polonicae ex archivo Regni Dani-ae*. V pars. Roma, Institutum Historicum Polonicum Romae, 1972.
- Latham R. E. *Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish sources*. London, Oxford University Press, 1983.
- Lewis Ch. T., Short. Ch. *A New Latin Dictionary*. New York, Harper & Brothers; Oxford, Clarendon Press, 1891.
- Schmidt H. D. *Martini Lutheri opera omnia*. Vol. VII. Frankofurti ad M., sumptibus Heyderi et Zimmeri, 1873.
- Matveev E. M. *Russian oratory prose of the middle of the 18th century (eulogy in secular and spiritual literature)*. St. Petersburg University Press, f-t filologii i iskusstv, 2009 (in Russian).
- Morozov A. A. *Lomonosov*. Moscow, 1961 (in Russian).
- Smirnov S. K. *History of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy*. Moscow, 1855 (in Russian).
- Smirnova A. Neo-Latin and Russian in M. V. Lomonosov's *Panegyric for Elizaveta Petrovna* (1749). *Acta Conventus Neo-Latini Albasitensis* 2020, 17, 574–587.
- Solopov A. I. The Latin language in life and creative work of Lomonosov. *Nauchnye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU*. Moscow, 2013, 16–24 (in Russian).
- Sukhomlinov M. I. *Works of M. V. Lomonosov with explanatory notes by academician M. I. Sukhomlinov*. T. 4. St Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1898 (in Russian).
- Venditti M. Eighteenth-century Russian translations of Ovid's second *Heroides* (Kozitsky, Ruban, and Rzhnevsky). *Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka* 2013, 7, 168–181 (in Russian).
- Vollmer F. Adoleo. In: *Thesaurus Linguae Latinae* 1900, 1, 793–794.
- Walde A., Hofmann J. B. *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Winter, 1938–1954.
- Wood F. A. Notes on Latin Etymologies. *Classical Philology* 1912, 7 (3), 302–334.

Received: 24.07.2024

Accepted: 26.10.2024